

Научная статья
 УДК/UDC 342:341
 DOI: 10.21779/2224-0241-2026-58-2-53-62

Расхождения между израильским регулированием и международно-правовой квалификацией территориальных вопросов палестино-израильского конфликта

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки
 5.1.5 — Международно-правовые науки

Малика Абдулмажидовна Мирова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Москва, Российская Федерация, MirovaMalika@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0862-6897>

Аннотация. Эскалация ситуации в секторе Газа с октября 2023 года и отсутствие окончательного урегулирования палестино-израильского конфликта стали основой для анализа вопроса о расхождении между израильским внутренним регулированием и международно-правовой квалификацией статуса Западного берега, сектора Газа и Восточного Иерусалима, а также о пределах допустимых действий государства, осуществляющего фактическую власть на территории. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и системный анализ норм международного гуманитарного права и международного права, регулирующего права человека, а также практики органов Организации Объединённых Наций и Международного Суда Организации Объединённых Наций. Автор приходит к выводу о том, что определение статуса Западного берега, сектора Газа и Восточного Иерусалима не может строиться на формальных заявлениях сторон либо на споре о прежнем территориальном титуле: решающим остаётся критерий «эффективного контроля», а именно осуществление власти, выражающийся в способности определять основные условия функционирования территории и положения населения. В статье отражено, что спор о прежнем территориальном титуле не влияет на применимость режима оккупации, поскольку определяющим является наличие и осуществимость «эффективного контроля», который сохраняется Израилем на Западном берегу в вопросах безопасности и режима передвижения, а применительно к сектору Газа юридически значимой является совокупность элементов контроля над доступом, инфраструктурой и возможностью применения силы при отсутствии постоянного наземного присутствия. В статье приводится обоснование с точки зрения международного права, что односторонние меры, направленные на закрепление изменения статуса палестинских территорий, в частности, Восточного Иерусалима, не способны породить правомерные международно-правовые последствия. Основным выводом исследования стало сохранение обязанностей по защите гражданского населения и обеспечению гуманитарного доступа независимо от изменения формы контроля.

Ключевые слова: запрет приобретения территории силой, военная оккупация, право народов на самоопределение, критерий эффективного контроля, императивные нормы общего международного права

Для цитирования: Мирова М.А. Расхождения между израильским регулированием и международно-правовой квалификацией территориальных вопросов палестино-израильского конфликта // Юридический вестник ДГУ. 2026. Т. 58, № 2 (78). С. 53–62. DOI: 10.21779/2224-0241-2026-58-2-53-62

Original article

Divergences between Israeli regulation and international legal characterisation of territorial issues of the Palestinian-Israeli conflict

5.1.2 — Public law (state law) sciences
 5.1.5 — International law sciences

Malika A. Mirova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation, MirovaMalika@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0862-6897>

Abstract. The escalation of hostilities in the Gaza Strip since October 2023 has renewed the relevance of assessing divergences between Israeli regulation and the international legal characterisation of the status of the West Bank, the Gaza Strip and East Jerusalem, as well as the limits of permissible conduct by the state exercising authority over the territory. The study employs formal legal and systemic analysis of international humanitarian law and international human rights law, as well as the practice of organs of the United Nations and the International Court of Justice. It argues that disputes about prior territorial title do not affect the applicability of the occupation regime, because the decisive element is the existence and practicability of “effective control”. The article shows that Israel retains decisive influence in the West Bank over security and movement, while in the Gaza Strip the legally relevant inquiry turns on a cumulative assessment of control over access, infrastructure and the ability to use force in the absence of a permanent ground presence. It further establishes that unilateral measures intended to entrench a change in the status of East Jerusalem cannot produce lawful consequences under international law.

The article concludes that duties to protect the civilian population and to facilitate humanitarian access persist irrespective of changes in the form of control.

Keywords: prohibition of territorial acquisition by force; law of occupation; right to self-determination of peoples; effective control criterion; jus cogens norms

For citation: Mirova M.A. Divergences between Israeli regulation and international legal characterisation of territorial issues of the Palestinian-Israeli conflict. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2026, vol. 58, no. 2 (78), pp. 53–62. DOI: 10.21779/2224-0241-2026-58-2-53-62. (In Russ.).

Палестино-израильский конфликт является одним из самых сложных и продолжительных противостояний, урегулирование которого до сих пор остается нерешенной задачей. Столкновения сторон конфликта сопровождаются нарушением принципов международного права, в частности международного гуманитарного права (далее – МГП) и международного права в области прав человека (далее – МПОПЧ), а также, как заключила Генеральная Ассамблея ООН (далее – ГА ООН), представляют серьезную угрозу международному миру и безопасности, так как создают напряженность на всем Ближнем Востоке¹. Конфликт включает в себя множество аспектов, одни из которых, – территориальный.

События, связанные с эскалацией в секторе Газа с октября 2023 г., вновь поставили вопрос о правовом статусе Западного берега, сектора Газа и Восточного Иерусалима. Основная проблема, которая рассматривается в данном исследовании, заключается в расхождении между, с одной стороны, позицией международных организаций и значительной частью доктрины, которые квалифицируют Западный берег, сектор Газа и Восточный Иерусалим как оккупированную палестинскую территорию, и, с другой стороны, подходом Израиля, оспаривающего сам факт оккупации и правовую принадлежность указанных территорий палестинскому народу. Данное расхождение имеет не теоретический, а прикладной характер, так как оно используется для обоснования ограничительного толкования обязанностей по Женевской Конвенции (IV) о защите гражданского населения во время войны 1949 года (далее – Четвертая Женевская конвенция), для правового обоснования мер, меняющих фактический режим территории, и для постановки под сомнение международно-правовых выводов о недопустимости изменения статуса территории силой.

Несмотря на то, что палестинские земли не раз определялись как решениями Международного Суда ООН (далее – МС ООН), так и резолюциями Совета Безопасности ООН (далее – СБ ООН) и ГА ООН как «оккупированные палестинские территории»², этот статус и вытекающие из него обязанно-

сти во многом отрицаются непосредственно оккупирующим государством, то есть Израилем, во всех его частях: во-первых, в статусе данных территорий как оккупированных, во-вторых, в их принадлежности палестинскому народу.

Отсутствие на территориях Западного берега и сектора Газа эффективного руководства и признание незаконным приобретение контроля над данными территориями в результате применения силы являются аргументами Израиля для официального отказа в признании этих районов в качестве оккупированных по смыслу статьи 42 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года (далее – Гаагская конвенция 1907 года)³ и статьи 2 Четвертой Женевской конвенции⁴ ввиду того, что палестинские земли, находившиеся определенный период времени под оккупацией Иордании и Египта, никогда не находились под суверенитетом этих государств [1, с. 305-307], соответственно и Израиль не может рассматриваться как оккупирующее государство по смыслу Конвенций ни в одной части бывшей подмандатной Палестины [2, с. 302].

Такая противоречивая позиция и отказ Израиля от применения положений Четвертой Женевской конвенции 1949 года идут вразрез с нормами МГП и МПОПЧ. Действия Израиля также не раз осуждались в резолюциях СБ и ГА ООН, а также заявлениях иных государств и международных организаций, которые рассматривают данные территории как оккупированные⁵.

Международное право устанавливает правовые рамки, регламентирующие положение «военной оккупации». Так, для определения оккупации есть определенные условия [3, 2759–2766].

the International Court of Justice). 09.07.2004. URL: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-178825/> (дата обращения: 21.02.2026).

³ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18 октября 1907 г.). 18.10.1907. [Электронный ресурс] // Refworld. URL: <https://www.refworld.org/rul/legal/intinstrument/icrc/1907/ru/31788> (дата обращения: 21.02.2026).

⁴ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женева, 12 августа 1949 г.). 12.08.1949. [Электронный ресурс] // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 21.02.2026).

⁵ Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/242. 22.11.1967. [Электронный ресурс] // ООН. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/S_CRes242%281967%29.pdf (дата обращения: 21.02.2026).

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН ES-10/2. 25.04.1997. [Электронный ресурс] // ООН. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/advisory-opinions/advisory-opinions-2004-ru.pdf> (дата обращения: 21.02.2026).

² Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory (Advisory Opinion of

Во-первых, бывшее правительство прекращает осуществление руководства на оккупированной территории. В случае палестинских земель данный критерий удовлетворяется. Во время Шестидневной войны 1967 года Израиль захватил территории, которые были присоединены с согласия палестинского народа Египтом и Иорданией после первой арабо-израильской войны 1948 года, то есть сектор Газа и Западный берег, включая Восточный Иерусалим. При этом ни Египет [4, с. 204], ни Иордания¹ сегодня не заявляют свои претензии на эти территории, признавая их полностью за палестинским народом.

Во-вторых, оккупирующая власть заменяет прежнее правительство посредством собственного руководства. После международного вооруженного конфликта 1967 года между Израилем и соседними государствами израильские вооруженные силы начали осуществлять свою власть над палестинскими территориями и населением. Однако в соответствии со статьей 43 Гаагской конвенции 1907 года с фактическим переходом власти от законного правительства к занявшему территорию государству, последний обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок, уважая уже существующие законы. Суверенные права на территорию, которая временно захвачена, при этом к оккупанту не переходят. Таким образом, основа власти оккупанта сводится только к критерию эффективного контроля, применяемого к оккупированным территориям [5, с. 84].

Этот критерий полностью реализован в отношении территории Западного берега, так как несмотря на то, что в результате Соглашения «Осло-2»² (далее – Договоренности Осло), руководство над этой частью оккупированных палестинских земель разделено между Израилем и Палестинской национальной администрацией (далее – ПНА), Израиль сохраняет практически полный контроль. Договоренности Осло предусматривают разделение Западного берега на зоны А, В и С. Зона А полностью находится под управлением ПНА. Управление Зонай В частично передано ПНА, однако Израиль сохранил за собой функции по «надзору за безопасностью», осуществляемый посредством продолжающегося военного присутствия. Что касается Зоны С, которая составляет более 60% всей территории Западного берега, то она остается под

полным контролем Израиля. Этот механизм был предусмотрен в качестве временного решения с целью достижения постепенного вывода израильских войск и достижения посредством переговоров соглашения относительно окончательного статуса палестинских территорий, однако на сегодняшний день израильское правительство по-прежнему придерживается данной концепции разделения и, более того, активно экспроприирует палестинские земли, расширяя поселенческие инфраструктуры и строя свои военные объекты [6, с. 9-34].

В контексте расхождения между израильским регулированием и международно-правовой квалификацией оккупированных палестинских территорий показателем Основной закон 2018 г. «Israel – The Nation State of the Jewish People»³. В данном документе в §7 закреплено, что государство рассматривает «еврейское поселение» как национальную ценность и обязуется поощрять и продвигать его развитие. Данная норма имеет принципиальное значение как конституционно-правовой ориентир, легитимирующий поселенческую политику как элемент государственной политики в целом. Между тем, с точки зрения международного права поселенческая деятельность на оккупированной территории рассматривается как несовместимая с режимом оккупации, в том числе ввиду запрета перемещения гражданского населения оккупирующего государства на оккупированную территорию и недопустимости мер, направленных на закрепление демографических и территориальных изменений, подрывающих право палестинского народа на самоопределение⁴.

Другой нормативно-правовой акт Израиля – Закон об имуществе «отсутствующих» – закрепляет возможность передачи контроля над определёнными категориями имущества «отсутствующих палестинцев» в управление соответствующему хранителю и предусматривает дальнейшие распорядительные действия в отношении такого имущества⁵. На практике данный режим создаёт предпосылки для утраты частной собственности палестинцами и её последующего вовлечения в оборот в интересах государственных структур и граждан Израиля. В рамках МГП подобная трансформация имущественных прав

¹ Jordan. Statement Concerning Disengagement from the West Bank and Palestinian Self-Determination. [Электронный ресурс]. URL: <https://vdocuments.mx/jordan-statement-concerning-disengagement-from-the-west-bank-and-palestinian.html?pag=1> (дата обращения: 21.02.2026).

² Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению («Договоренности Осло»). 13.09.1993. [Электронный ресурс] // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/oslo_agreements.html (дата обращения: 21.02.2026).

³ Basic-law: Israel – The Nation State of The Jewish People. 19.07.2018. Section 7 (“Jewish settlement”). [Электронный ресурс] // The Knesset. URL: <https://main.knesset.gov.il/EN/activity/documents/BasicLawsPDF/BasicLawNationState.pdf> (дата обращения: 21.02.2026).

⁴ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женева, 12 августа 1949 г.). Ст. 49 (п. 6). [Электронный ресурс] // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 21.02.2026).

⁵ Absentees’ Property Law, 5710–1950. 1950. [Электронный ресурс] // UNISPAL (Question of Palestine). URL: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-209845/> (дата обращения: 21.02.2026).

вызывает принципиальные возражения, поскольку оккупирующий режим не вправе осуществлять перераспределение имущества населения¹.

Таким образом, продолжающееся военное присутствие на Западном берегу, а также ограничение свободы передвижения палестинцев посредством контрольно-пропускных пунктов и иные действия властей свидетельствуют об осуществлении контроля и закрепляют за Израилем статус оккупирующего государства.

Намного сложнее вопрос правового статуса территории сектора Газа. Это обусловлено тем, что в результате Договоренностей Осло Израиль вывел войска из большей части сектора Газа, а уже в сентябре 2005 года в одностороннем порядке, то есть не действуя на основе какого-либо соглашения, с остальной территории, ликвидировав при этом все свои поселения и военные объекты [7, с. 105]. Таким образом, как утверждает израильское правительство, были исключены основания для признания военной оккупации на территории Газы. Однако международно-правовой режим военной оккупации является прежде всего фактической категорией и не зависит от формального признания или от намерений стороны конфликта. В соответствии со статьей 42 Гаагской конвенции 1907 года территорию следует считать оккупированной, когда она «действительно находится под властью неприятельской армии», причем оккупация распространяется на те районы, где такая власть установлена и может осуществляться. Таким образом, ключевым критерием служит «эффективный контроль».

В современной доктрине международного гуманитарного права применительно к сектору Газа обосновывается функциональный (“functional”) подход к понятию оккупации, допускающий сохранение режима оккупации при отсутствии постоянного наземного присутствия, если государство способно осуществлять решающее влияние на ключевые аспекты управления территорией и жизнедеятельности населения посредством «удалённого» контроля (“effective remote control”) [8, с. 1069–1088]. В частности, изменение способов ведения вооруженных конфликтов и усложнение способов контроля, в том числе технологических, обуславливают необходимость функционального подхода. Показательным примером является использование в секторе Газа дистанционно управляемых платформ, начинённых взрывчаткой и подрываемых без непосредственного присутствия экипажа, что демонстрирует возможность силового воздействия на территорию, разрушения объектов и принуждения

населения к перемещению посредством удалённо управляемых средств ведения боевых действий².

События и меры, последовавшие после перехода фактического управления сектором Газа к ХАМАС в 2007 г., а также эскалация вооружённого конфликта с октября 2023 г., в ряде материалов международных организаций и оценок международных органов, как правило, анализируются через призму сохранения у Израиля значимых элементов эффективного контроля над доступом к территории Газы³. В частности, введение и поддержание режима блокады и ограничений, регулирование ввоза и вывоза товаров, гуманитарной помощи, контроля приморской зоны и воздушного пространства, управление критической инфраструктурой и энергоснабжением, а также возможность проведения военных операций на территории сектора рассматриваются как факторы, позволяющие оказывать решающее влияние на жизненно важные аспекты функционирования территории и положения населения.

Перечисленные элементы «удалённого контроля» неравнозначны по юридическому весу: для целей квалификации первостепенное значение имеют те факторы, которые определяют сохранение «эффективного контроля» в смысле статьи 42 Гаагского положения 1907 г.

Во-первых, Израиль сохраняет контроль над признанием ключевых записей палестинского регистра населения, общего для Западного берега и сектора Газа: речь идет, в частности, о регистрации рождений, изменений семейного положения, адреса проживания и оснований для выдачи удостоверений личности⁴. Хотя администрирование регистра и выдача документов формально осуществляются Палестинской администрацией, юридическое значение таких записей зависит от их признания израильской стороной и отражения в израильской копии регистра. Тем самым Израиль сохраняет возможность определять, кто признается жителем сектора Газа для целей передвижения и получения документов, что свидетельствует о контроле не только над территорией, но и над правовым статусом самого населения.

Во-вторых, юридически значимым является контроль над таможенно-фискальным контуром сектора Газа. В силу Парижского протокола 1994 г.

¹ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женева, 12 августа 1949 г.). Ст. 33, 147 (см. также ст. 53). [Электронный ресурс] // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 21.02.2026).

² Yaffa Palestinian Press Agency. Israel Deploys Explosive-Laden Remote-Controlled APCs in Gaza [Электронный ресурс]. 02.06.2025. URL: <https://yaffaps.com/en/page-26563.html> (дата обращения: 12.02.2026).

³ Gaza Strip | The humanitarian impact of 15 years of the blockade. June 2022. [Электронный ресурс] // ReliefWeb. URL: <https://reliefweb.int/report/occupied-palestinian-territory/gaza-strip-humanitarian-impact-15-years-blockade-june-2022-enarhe> (дата обращения: 21.02.2026).

⁴ Population Registry Office [Электронный ресурс] // Government of Israel. URL: https://www.gov.il/en/departments/units/population_registrar_unit?utm_source (дата обращения: 12.02.2026).

Западный берег и сектор Газа были включены в общую экономико-таможенную систему с Израилем, при которой палестинская внешнеторговая и налоговая автономия существенно ограничена. В рамках механизма *clearance revenues* Израиль собирает НДС, импортные налоги, таможенные платежи и иные доходы от имени Палестинской администрации, что сохраняет зависимость палестинской финансовой системы от израильского администрирования¹.

В совокупности указанные обстоятельства позволяют говорить не об отдельных технических рычагах влияния, а о сохранении юридически значимых элементов контроля над правовым статусом населения и территориально-экономическим аспектами его существования. Такое положение позволяет говорить о сохранении обязанностей по Четвёртой Женевской конвенции, включая обеспечение защиты гражданского населения и реального, своевременного допуска гуманитарной помощи в необходимых объёмах.

Гуманитарный аспект территориальных вопросов имеет особое юридическое значение, поскольку международно-правовая квалификация статуса территории влияет прежде всего на объёме обязанностей по защите гражданского населения. В научной литературе подчёркивается, что защита гражданских лиц является стержневой целью международного гуманитарного права, а именно запрет нападений на гражданское население и гражданские объекты, а также обязанность сторон конфликта принимать меры по минимизации ущерба лицам, не участвующим в военных действиях [9, с. 105].

Статус палестинских территорий стал в очередной раз предметом анализа в консультативном заключении МС ООН от 19 июля 2024 года о правовых последствиях политики и практики Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим². Суд при анализе правонарушений Израиля исходит из единства «оккупированной палестинской территории» как единого территориального образования и анализирует правовые последствия продолжительного режима контроля в свете запрета приобретения территории силой и права палестинского народа на самоопределение³. В заключении МС ООН, в частности, констатировал незаконность продолжающегося

присутствия Израиля на оккупированной палестинской территории и сформулировал обязанности по прекращению незаконного положения и предоставлению репараций⁴.

Выводы МС ООН года усиливают позицию о том, что правовой режим оккупации и вытекающие из него ограничения для оккупирующей державы не «исчезают» вследствие односторонних заявлений либо изменения формы контроля. При этом оценка сохраняющегося контроля применительно к сектору Газа должна проводиться на основе совокупности фактических элементов. Такой подход согласуется с общей целью МГП, направленного на защиту населения в условиях, когда одна сторона конфликта в силу контролирующей власти способна определять ключевые условия существования населения на определенной территории.

Текущая ситуация в секторе Газа, как и в Палестине в целом, обуславливает необходимость оценивать вопросы оккупации в рамках палестино-израильского конфликта не только посредством критерия «эффективного контроля», но и в контексте длительной оккупации, которая в течение десятилетий приобрела признаки устойчивого режима управления и сопровождалась изменением демографической структуры и пространственным разобщением территории. В связи с этой проблемой МС ООН в консультативном заключении от 19 июля 2024 г. поставил вопрос о том, изменяет ли совокупность мер и действий оккупирующей державы правовой характер оккупационного режима, в том числе с точки зрения допустимости продолжения присутствия оккупирующей державы на территории. Так, МС ООН разграничил нормы, определяющие правомерность продолжения военного присутствия на чужой территории, включая запрет приобретения территории силой и право народов на самоопределение, и нормы, регулирующие поведение оккупирующей державы, то есть международно-правовые нормы, регулирующие вооружённые конфликты и права человека, подчеркнув, что последние применяются независимо от того, признаётся ли само присутствие правомерным либо неправомерным⁵.

Раскрывая вопрос о том, каким образом конкретные меры и действия, осуществляемые на оккупированной территории, влияют на правовой статус оккупации, МС ООН указал, что действия оккупанта, которые направлены на то, чтобы фактически распространять элементы суверенитета на оккупированной территории посредством, например, ее постепенного присоединения, реализации на ней функций государственного управления, применения внутригосударственного законодательства, а также перемещения туда собственного гражданского населения и одновременным препятствованием осуществлению права народа на самоопределение, свидетельствуют о намерении

¹ UNCTAD. *Palestinian Fiscal Revenue Leakage to Israel under the Paris Protocol on Economic Relations* [Электронный ресурс]. New York; Geneva: United Nations, 2014. URL: https://unispal.un.org/pdfs/UNCTAD_RevLkStdy.pdf (дата обращения: 12.02.2026).

² International Court of Justice. *Summary of the Advisory Opinion of 19 July 2024: Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem*. 19.07.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icj-cij.org/case/186> (дата обращения: 21.02.2026).

³ Ibid. para. 78.

⁴ Ibid. para. 237.

⁵ Ibid. paras. 251-252.

рении сформировать постоянное и необратимое присутствие на ней¹.

Далее МС ООН подчеркнул, что правовой анализ статуса палестинских территорий должен проводиться в рамках императивных ограничений Устава ООН и обычного международного права, а именно положения, в соответствии с которыми военная оккупация не является правомерным способом для возникновения или закрепления суверенитета над территорией и не может быть правовым основанием для её приобретения. Оккупирующая держава не вправе осуществлять суверенные полномочия в отношении какой-либо части территории, а вопросы безопасности, на которые ссылается Израиль, не являются исключением из запрета приобретения территории силой [10, с. 79].

Тем не менее, принадлежность территорий, оккупированных в 1967 году, палестинскому народу подвергается сомнению Израилем. Территориальные претензии Израиля основываются на собственном толковании Резолюции СБ ООН №242 от 22 ноября 1967 года. Позиция израильской стороны в данном случае заключается в том, что отсутствие в английском тексте Резолюции определенного артикля “the” перед словом территория либо же уточнения о том, что речь идет обо всех занятых в ходе Шестидневной войны территориях, позволяют делать вывод о неправомочности требования покинуть все данные территории [11, с. 851-881]. Израиль в соответствии с такой интерпретацией вправе отвести свои вооруженные силы только к тем позициям, которые он сочтет необходимыми. Однако, как установил МС ООН в Консультативном заключении по делу о юридических последствиях для государств, вызываемые продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии вопреки резолюции СБ ООН, все резолюции СБ ООН должны толковаться с учетом обсуждений, которые привели к принятию данного решения². В случае с Резолюцией СБ ООН №242 от 22 ноября 1967 года десять из пятнадцати членов СБ ООН заявили, что Израиль должен уйти со всех оккупированных им территорий и вернуться к линии перемирия в том виде, в каком она существовала до 1967 года.

Территориальные претензии Израиля также не должны влиять на применение норм МГП. В консультативном заключении МС ООН о правовых последствиях возведения *стены* на оккупированной палестинской территории было установлено, что Четвертая Женевская конвенция 1949 года распространяется на любую оккупированную территорию в случае вооруженного конфликта, возни-

кающего у одного из государств-участника, что, относится к Израилю, который ратифицировал этот документ в 1951 году³. Следовательно, как и постановил МС ООН, Конвенция «применима к палестинским территориям, которые до Шестидневной войны 1967 года находились к востоку от «зеленой линии»⁴ и которые в ходе этого конфликта были оккупированы Израилем». При этом нет необходимости в изучении точного правового статуса этих территорий. Соответственно, существующие территориальные вопросы не влияют на обязанность соблюдения норм МГП в рамках военной оккупации, что уже было ранее подтверждено практикой в международном праве [3, с. 2759-2762]. Например, Комиссия по рассмотрению претензий между Эритреей и Эфиопией указала, что применение мер защиты, предусмотренных международным гуманитарным правом, не должны подвергаться сомнению из-за того, что воюющие стороны оспаривают статус территории⁵. Далее Комиссия подчеркнула, что в соответствии с Дополнительным протоколом I ни Гаагская конвенция 1907 года, ни Женевская Конвенция 1949 года не предполагают, что оккупированной территорией может быть только территория, статус которой является четким и неоспоримым⁶.

Следовательно, несмотря на глубокие разногласия по поводу правового статуса Западного берега и сектора Газа, палестинские земли де-факто находятся под военной оккупацией Израиля, который, отрицая это, на постоянной основе нарушает нормы МГП и МПОПЧ, в частности Четвертой Женевской Конвенции⁷. В этом вопросе ключевое значение имеет институт международно-правовой

³ International Court of Justice. Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory (Advisory Opinion). 09.07.2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icj-cij.org/case/131/advisory-opinions> (дата обращения: 21.02.2026).

⁴ «Зеленая линия» – границы, существовавшие до июня 1967 года. На картах, составленных по соглашению между Израилем и Египтом, Иорданией, Ливаном и Сирией, линия прекращения огня после окончания первого арабо-израильского конфликта 1948–1949 гг. была окрашена зеленым цветом.

⁵ Partial Award, Central Front, Ethiopia’s Claim 2, Eritrea–Ethiopia Claims Commission. Judgment of 28 April 2004. Para. 28. [Электронный ресурс] // ООН (Reports of International Arbitral Awards). URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXVI/155-194.pdf (дата обращения: 21.02.2026).

⁶ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. 08.06.1977. [Электронный ресурс] // docs.cntd.ru. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843> (дата обращения: 21.02.2026).

⁷ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женева, 12 августа 1949 г.). Статья 4. [Электронный ресурс] // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 21.02.2026).

¹ Ibid.

² International Court of Justice. Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970) (Advisory Opinion). 21.06.1971. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icj-cij.org/case/53/advisory-opinions> (дата обращения: 21.02.2026).

ответственности, так как ответственность государства по международному праву нацелена на прекращение международного правонарушения, восстановление нарушенного положения, возмещение или устранение причиненного ущерба, удовлетворение потерпевших и укрепление доверия и уважения между государствами, что применимо и к территориальным нарушениям [12, с. 112].

При этом освобождение территорий, оккупированных силой и в нарушение принципов Устава ООН и соответствующих резолюций ООН, является непременным условием осуществления палестинским народом своих неотъемлемых прав. Это обусловлено тем, что право народов на самоопределение не сводится к декларативному признанию, а предполагает наличие реальной территориальной основы и фактической возможности свободно определять политическое устройство и обеспечивать экономическое, социальное и культурное развитие. В условиях, когда оккупационный режим ведет политику по дефрагментации территорий, которые должны стать основой для создания Палестинского государства, и ограничивает осуществление базовых прав и свобод населения, самоопределение становится невозможным, что придает требованию прекращения оккупации характер первоочередной юридической предпосылки реализации самоопределения. Таким образом, принцип самоопределения должен толковаться и применяться не изолированно, а в тесной взаимосвязи с другими императивными нормами международного права, в том числе с принципом уважения прав человека и принципом территориальной целостности [13, с. 71].

Более подробного изучения требует один из наиболее сложных территориальных вопросов, осложняющих достижение мира в данном конфликте – статус Восточного Иерусалима. Отношение к восточной части Иерусалима со стороны Израиля действительно всегда было иным, чем к другим районам Западного берега и территории сектора Газа. Это связано с исторической и религиозной ценностью, который Иерусалим в целом представляет для сторон конфликта.

Как известно, для мусульман Иерусалим, или как его называют палестинцы – Аль-Кудс (араб. القدس), является третьим святым городом после Мекки и Медины как место, в котором жили многие пророки. Также на его территории расположена мечеть аль-Акса (араб. المسجد الأقصى), которая в свое время стала первой киблой¹ для мусульман. Для евреев Иерусалим (ивр. ירושלים – Йерушала) имеет не меньшую ценность, так как считается «городом предков», здесь же располагается и главная святыня, к которой совершают паломничество евреи и иудеи со всего мира – Стена плача (ивр. הכתר המערבי – Ха-Котель ха-Маарави) [14, с. 6-8].

В Резолюции ГА ООН №181 (II) от 29 ноября 1947 года о будущем Палестины было предложено ввести специальный международный режим в отношении Иерусалима для того чтобы избежать столкновение между представителями данных конфессий, однако ни один из участников конфликта по сей день не собирается отказываться от притязаний в отношении восточной части этого города, так как именно в этом районе и располагаются основные святыни.

Израиль обосновывает свое право требование в отношении Восточного Иерусалима тем, что после вывода Великобритании войск и прекращения мандата, Палестина не была государственным образованием. Таким образом, согласно позиции Израиля, территория, которая оккупирована данным государством в Палестине, попала под его суверенитет на законных основаниях, так как «занятие» территории, не принадлежащей кому-либо, является средством правомерного приобретения территории. Иордания в дальнейшем в результате акта агрессии в ходе арабо-израильской войны оккупировала восточную часть Иерусалима. Иегуда Блюм, на тот момент юрисконсульт правительства Израиля при ООН, выдвинул тезис, в котором утверждал, что Израиль законно вернул восточную часть города в 1967 году в ходе вооруженного конфликта, в котором реализовывал свое право на самооборону от действий ряда арабских государств [15, с. 279-301].

Подобная позиция может быть подвергнута критике с точки зрения международного права. Во-первых, действительно, оккупация территории возможна, однако только в случае, когда та или иная территория является terra nullius, то есть не принадлежит ни одному государству. Из Консультативного заключения МС ООН по делу о Западной Сахаре вытекает, что не может считаться ничейной территория, которая населена². Если территория населена, но не имеет государственного устройства, должен быть реализован принцип права народа на самоопределение, как и в случае с палестинским народом, который до сих пор борется за свою независимость.

Во-вторых, по сей день мнения израильских (и большинства западных) юристов, с одной стороны, и арабских юристов – с другой, расходятся по вопросу о том, кто был агрессором в Шестидневной войне³. Даже если принять в качестве аргумента утверждение о том, что Израиль действовал

¹ Кибла (араб. قبلة) – направление, к которому мусульманская община обращает лица при совершении молитвы.

² Report on Legal Issues Involved in the Western Sahara Dispute: Legal Status of Morocco's Use of the Natural Resources of Western Sahara. 2011. P. 2. [Электронный ресурс] // Association of the Bar of the City of New York. URL: <https://www.nycbar.org/pdf/report/uploads/20072089ReportonLegalIssuesInvolvedintheWesternSaharaDispute.pdf> (дата обращения: 21.02.2026).

³ Lapidoth R. Jerusalem and the Peace Process. 1994. P. 402–407. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2672192 (дата обращения: 21.02.2026).

в целях законной самообороны, реализация данного права не дает автоматически оснований на приобретение суверенитета над территориями государства-агрессора [16, с. 444]. С точки зрения теории международного права, применение силы в качестве акта самообороны должно соответствовать критериям «необходимости» и «пропорциональности» [3, с. 2663]. В случае если территория была оккупирована в результате законного применения силы, попытка изменить статус этой территории выходит за рамки самообороны и не соответствует названным критериям, если принятые меры превышают те, которые требуются для устранения непосредственной угрозы [17, с. 93-100]. Следовательно, сейчас как оккупирующее государство, Израиль не приобретает суверенитет и законных прав на Восточный Иерусалим [18, с. 10-14].

Тем не менее, после оккупации Западного берега в 1967 году израильское правительство приняло распоряжение, по которому законы, юрисдикция и управление Израиля стали распространяться на Восточный Иерусалим, таким образом присоединив этот район к территории Западного Иерусалима [19, с. 307]. Израильская сторона охарактеризовала документ не как попытку аннексии и выражение претензий относительно статуса Восточного Иерусалима, а скорее как административную меру, направленную как на предоставление одинаковой защиты всем жителям города, так и на обеспечение защиты святых мест¹.

Непосредственно территориальные претензии Израиля отражает и закрепляет Основной закон 1979 года, в соответствии с положениями которого «Иерусалим, единый и неделимый, является столицей Израиля»². Данный документ уже был воспринят как попытка аннексировать Восточный Иерусалим, который признан частью палестинской территории и находится под оккупацией Израиля. С точки зрения международного права, предполагаемая односторонняя аннексия Восточного Иерусалима, как и любой другой части оккупированной территории, лишена какой-либо юридической силы. В Резолюции №478 от 20 августа 1980 года СБ ООН «самым решительным образом» осудил принятие Основного закона и постановил, что любые законодательные и административные меры, направленные на изменение правового статуса Иерусалима, являются недействительными³. МС

ООН также в своем Консультативном заключении по делу Стена на оккупированной палестинской территории, сославшись на вышеупомянутую резолюцию СБ ООН и предыдущие резолюции относительно палестинского вопроса, подтвердил утверждение о том, что действия Израиля не изменили статус Восточного Иерусалима как палестинской территории, находящейся под оккупацией⁴. Тем не менее, такая реакция мирового сообщества не повлияла на притязания израильской стороны.

Позиция в отношении Иерусалима отличается у палестинской стороны. Несмотря на то, что в Декларации Независимости 1988 года столицей Государства Палестины провозглашается Аль-Кудс Аш-Шариф, то есть город Иерусалим, на сегодняшний день ПНА рассматривает Восточный Иерусалим как оккупированную палестинскую территорию в соответствии с Резолюцией СБ ООН №242 от 22 ноября 1967 и свою официальную столицу, а западную часть города как предмет переговоров с Израилем.

На данный момент ни одна страна в мире не признает Иерусалим столицей Израиля, за исключением США. Россия, в свою очередь, объявила о признании Западного Иерусалима столицей Израиля, а Восточного Иерусалима – Государства Палестина⁵. Таким образом, попытки Израиля аннексировать Восточный Иерусалим неправомерны, этот район по-прежнему является оккупированной палестинской территорией. Любые изменения границ, а также определение точного статуса Иерусалима должны быть согласованы сторонами.

Проведенный анализ показывает, что территориальные вопросы палестино-израильского конфликта подлежат оценке в рамках режима военной оккупации, запрета приобретения территории силой и права палестинского народа на самоопределение. Определение статуса Западного берега, сектора Газа и Восточного Иерусалима не может зависеть от односторонних заявлений сторон: определяющим является наличие и осуществимость фактической власти, выражающейся в способности контролирующей стороны определять ключевые условия функционирования территории и положения населения. В отношении Западного берега сохраняющийся объем полномочий Израиля в сфере безопасности, режима перемещения и управления значительной частью территории позволяет гово-

¹ Разъяснение министра иностранных дел Израиля Генеральному Секретарю ООН. UN Doc. S/8052 (1967). [Электронный ресурс] // ООН. URL: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-181941/> (дата обращения: 21.02.2026).

² Основной закон: Иерусалим – столица Израиля [Электронный ресурс]. URL: <https://main.knesset.gov.il/RU/activity/pages/basiclaw.aspx?LawId=7> (дата обращения: 21.02.2026).

³ Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/478. 20.08.1980. [Электронный ресурс] // ООН. URL:

<https://digitallibrary.un.org/record/25618> (дата обращения: 21.02.2026).

⁴ International Court of Justice. Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory (Advisory Opinion). 09.07.2004. Para. 75 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icj-cij.org/case/131/advisory-opinions> (дата обращения: 21.02.2026).

⁵ Официальная позиция Российской Федерации относительно статуса Иерусалима // МИД РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1559928/ (Дата обращения: 21.02.2026).

речь о продолжении оккупации, несмотря на элементы разделённого управления, предусмотренные Договорённостями Осло. Применительно к сектору Газа вывод войск и ликвидация поселений в 2005 г. не исключают необходимости оценки совокупности элементов контроля, включая проведение военных операций, режим доступа людей и товаров, контроль приморской зоны и воздушного пространства и т.д. Соответственно, сохраняются обязанности по Четвёртой Женевской конвенции, прежде всего в части защиты гражданского населения и обеспечения жизненно необходимыми ресурсами. Статус Восточного Иерусалима также должен рассматриваться через недопустимость одно-

стороннего изменения правового положения оккупированной территории и запрет приобретения территории силой. При этом меры, направленные на закрепление изменения статуса города посредством внутреннего законодательства или административных актов, не способны породить правомерные международно-правовые последствия.

Таким образом, с точки зрения международного права, палестинцы имеют абсолютно обоснованные права на оккупированные палестинские территории в силу неотъемлемого права на независимость и самоопределение, а территориальные претензии Израиля вызывают сомнение в силу отсутствия конструктивного юридического подтверждения.

Список источников

1. *Wedgwood R.* The ICJ Advisory Opinion on the Israeli Security Fence and the Limits of Self-Defense // *The American Journal of International Law*, 1995, vol. 89, no. 2, pp. 305–307.
2. *Sabel R.* International Law and the Arab-Israeli Conflict, Cambridge, Cambridge University Press, 2022, p. 302.
3. *Shaw M. N.* International Law, 9th edn, Cambridge, Cambridge University Press, 2021, pp. 2759–2766.
4. *Benvenisti E.* The International Law of Occupation, 2nd edn, Oxford University Press, 2012, p. 204.
5. *Pabian E.* Prolonged Occupation and Exploitation of Natural Resources: A Focus on Natural Gas off the Coast of Northern Cyprus, *Journal of International Humanitarian Legal Studies*, 2021, vol. 12, p. 84. DOI: 10.1163/18781527-bja10029.
6. *Крылов А.В.* Израильские поселения на оккупированных арабских территориях (1967–2007 гг.). М.: МГИМО–Университет, 2011. С. 9–34.
7. *Bantekas I. and Jaber S. S.* The human rights obligations of belligerent occupiers: Israel and the Gazan population, *Journal of Conflict & Security Law*, 2025, vol. 30, no. 1, pp. 103–120.
8. *Jaber S. S. and Bantekas I.* The Status of Gaza as Occupied Territory under International Law, *International and Comparative Law Quarterly*, 2023, vol. 72, iss. 4, pp. 1069–1088. DOI: 10.1017/S0020589323000349.
9. *Хузриев Р.М., Черкесова З.А.* Защита гражданского населения в период вооруженных конфликтов немеждународного характера // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2025. Т. 55, № 3 (75). С. 103–108. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-55-3-103-108.
10. *Толстых В.Л.* Заключение Международного Суда ООН об обязательствах Израиля, связанных с деятельностью ООН на оккупированной палестинской территории, от 22 октября 2025 г. // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2025. № 12. С. 75–88.
11. *McHugo J.* Resolution 242: A Legal Reappraisal of the Right-Wing Israeli Interpretation of the Withdrawal Phrase with Reference to the Conflict Between Israel and the Palestinians, *International and Comparative Law Quarterly*, 2002, pp. 851–881.
12. *Ибрагимов А.М., Атаева Н.М.* Международно-правовая ответственность как средство обеспечения соблюдения норм международного права // *Юридический вестник ДГУ*. 2023. Т. 48, № 4 (68). С. 109–116. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-48-4-109-116.
13. *Рагимов А.Т.* К вопросу о взаимосвязи некоторых принципов международного права // *Юридический вестник ДГУ*. 2023. Т. 45, № 1 (65). С. 70–74. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-45-1-70-74.
14. *Ben-Hillel Y.* The Legal Status of East Jerusalem, Norwegian Refugee Council, 2013, pp. 6–8.
15. *Blum Y. Z.* The Missing Reversioner: Reflections on the Status of Judea and Samaria, *Israel Law Review*, 1968, pp. 279–301.
16. *Brunk I. and Hakimi M.* The Prohibition of Annexations and the Foundations of Modern International Law, *American Journal of International Law*, 2024, vol. 118, no. 3, pp. 417–467. DOI: 10.1017/ajil.2024.26.
17. *Scobbie I. and Hibbin S.* The Israel-Palestine Conflict in International Law: Territorial Issues, SOAS School of Law Legal Studies Research Paper Series, 2010, pp. 93–100.
18. *Victor K.* The sovereignty of Jerusalem under International Law, *Arab League Conference on Jerusalem*, 2011, pp. 10–14.
19. *Benvenisti E. and Zamir E.* Private Claims to Property Rights in the Future Israeli-Palestinian Settlement, *American Journal of International Law*, 1995, vol. 89, no. 2, p. 307.

References

1. Wedgwood R. The ICJ Advisory Opinion on the Israeli Security Fence and the Limits of Self-Defense, *The American Journal of International Law*, 1995, vol. 89, no. 2, pp. 305–307. (In Eng.).
2. Sabel R. International Law and the Arab-Israeli Conflict, Cambridge, Cambridge University Press, 2022, p. 302. (In Eng.).
3. Shaw M. N. International Law, 9th edn, Cambridge, Cambridge University Press, 2021, pp. 2759–2766. (In Eng.).
4. Benvenisti E. The International Law of Occupation, 2nd edn, Oxford University Press, 2012, p. 204. (In Eng.).
5. Pabian E. Prolonged Occupation and Exploitation of Natural Resources: A Focus on Natural Gas off the Coast of Northern Cyprus, *Journal of International Humanitarian Legal Studies*, 2021, vol. 12, pp. 71–110. DOI: 10.1163/18781527-bja10029. (In Eng.).
6. Krylov A.V., 2011, Izrail'skie poseleniya na okkupirovannykh arabskikh territoriyakh (1967–2007 gg.) [Israeli settlements in the occupied Arab territories (1967–2007)], Moscow, MGIMO–Universitet Publ., pp. 9–34. (In Russ.).
7. Bantekas I and Jaber S S. The human rights obligations of belligerent occupiers: Israel and the Gazan population, *Journal of Conflict & Security Law*, 2025, vol. 30, no. 1, pp. 103–120, p. 105. (In Eng.).
8. Jaber S. S. and Bantekas I. The Status of Gaza as Occupied Territory under International Law, *International and Comparative Law Quarterly*, 2023, vol. 72, iss. 4, pp. 1069–1088. DOI: 10.1017/S0020589323000349. (In Eng.).
9. Khizriev R.M., Cherkesova Z.A. Zashchita grazhdanskogo naseleniya v period vooruzhennykh konfliktov nemezhdunarodnogo kharaktera [Protection of civilians in non-international armed conflicts], *Yuridicheskii vestnik DGU [Law Herald of DSU]*, 2025, vol. 55, no. 3 (75), pp. 103–108. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-55-3-103-108. (In Russ.).
10. Tolstykh V.L. Zaklyuchenie Mezhdunarodnogo Suda OON ob obyazatel'stvakh Izrailiya, svyazannykh s deyatel'nost'yu OON na okkupirovannoi palestinskoj territorii, ot 22 oktyabrya 2025 g. [Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Obligations of Israel in Relation to the Presence and Activities of the United Nations in the Occupied Palestinian Territory, dated 22 October 2025: summary and analysis], *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*, 2025, no. 12, pp. 75–88. (In Russ.).
11. McHugo J. Resolution 242: A Legal Reappraisal of the Right-Wing Israeli Interpretation of the Withdrawal Phrase with Reference to the Conflict Between Israel and the Palestinians, *International and Comparative Law Quarterly*, 2002, pp. 851–881. (In Eng.).
12. Ibragimov A.M., Ataeva N.M. Mezhdunarodno-pravovaya otvetstvennost' kak sredstvo obespecheniya soblyudeniya norm mezhdunarodnogo prava' [International legal responsibility as a means of ensuring compliance with international law], *Yuridicheskii vestnik DGU [Law Herald of DSU]*, 2023, vol. 48, no. 4 (68), pp. 109–116. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-48-4-109-116. (In Russ.).
13. Raghimov A. T. K voprosu o vzaimosvyazi nekotorykh printsipov mezhdunarodnogo prava [On the question of the relationship of some principles of international law], *Yuridicheskii vestnik DGU [Law Herald of DSU]*, 2023, vol. 45, no. 1 (65), pp. 70–74. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-45-1-70-74. (In Russ.).
14. Ben-Hillel Y. The Legal Status of East Jerusalem, *Norwegian Refugee Council*, 2013, pp. 6–8. (In Eng.).
15. Blum Y Z. The Missing Reversioner: Reflections on the Status of Judea and Samaria, *Israel Law Review*, 1968, pp. 279–301. (In Eng.).
16. Brunk I and Hakimi M. The Prohibition of Annexations and the Foundations of Modern International Law, *American Journal of International Law*, 2024, vol. 118, no. 3, pp. 417–467. DOI: 10.1017/ajil.2024.26. (In Eng.).
17. Scobbie I. and Hibbin S. The Israel-Palestine Conflict in International Law: Territorial Issues, *SOAS School of Law Legal Studies Research Paper Series*, 2010, pp. 93–100. (In Eng.).
18. Victor K. The sovereignty of Jerusalem under International Law, *Arab League Conference on Jerusalem*, 2011, pp. 10–14. (In Eng.).
19. Benvenisti E. and Zamir E. Private Claims to Property Rights in the Future Israeli-Palestinian Settlement, *American Journal of International Law*, 1995, vol. 89, no. 2, p. 307. (In Eng.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мирова Малика Абдулмажидовна, магистрант, 2 курс, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: Mirova-Malika@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 06.05.2026 г.; принята к публикации 26.05.2026 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mirova Malika Abdumazhidovna, Master's student, 2nd year, MGIMO University, Moscow, Russian Federation. E-mail: MirovaMalika@yandex.ru

Received 26.02.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 26.05.2026